

М.В. ПЕВНАЯ

УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКИМ ВОЛОНТЕРСТВОМ: СУЩНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

ПЕВНАЯ Мария Владимировна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (m.v.pevnaya@urfu.ru).

Аннотация. В статье управление волонтерством в России рассмотрено как новая социологическая проблема. Эмпирическую базу составили данные исследований Свердловской области, а также результаты вторичного анализа всероссийских исследований российского добровольчества. В работе выделяются практические проблемы управления волонтерами в России, показана противоречивость регионального управления этой деятельностью в Свердловской области сквозь призму парадоксальности социокультурного поля волонтерства. Показывается, что в его развитие особым образом включается государство, а деятельность волонтеров эпизодична, самоорганизация слаба, увеличение числа добровольцев не переходит в качество их деятельности.

Ключевые слова: волонтерство • добровольчество • волонтерская деятельность • волонтер • управление волонтерством

О постановке исследовательской проблемы. Безвозмездная помощь нуждающимся в ней незнакомым людям, забота о животных или природе становятся частью жизни очень разных людей. В одних случаях кто-то инициирует объединения добровольных помощников, направляет их, оказывает им всяческое содействие. В других – люди проявляют инициативу, находят единомышленников и реализуют проекты. Как и в других странах, волонтеры и их деятельность в России изучаются социологами. За последние годы накоплен эмпирический материал о российских волонтерах (НИУ ВШЭ, ФОМ, Аналитический центр Ю. Левады, «Границы», «Циркон» и др.). Всероссийские исследования третьего сектора, гражданских активистов, в том числе волонтеров, дают возможность получить срез характеристик волонтерских подобщностей, вместе с тем позволяя понять особенности волонтерства.

Волонтерское движение демократично по сути. Настоящие волонтерские инициативы идут снизу, реализуют устремления людей, их потребности и интересы. Поэтому постановка теоретической проблемы управления российским волонтерством внутренне противоречива: навязывать движению вопросы координации свободы деятельности и самостоятельности в выборе и оказании безвозмездной помощи – гносеологический парадокс. С практической же точки зрения, волонтерство в нашей стране живет и может развиваться (хотя бы отчасти) только тогда, когда находится в поле зрения государства.

Противоречивость волонтерства в том, что думают о нем россияне и сами волонтеры. Противоречиями пронизаны разные виды деятельности добровольцев и их поведение. Именно этим процессам сегодня дают оценку российские социологи. Большинство исследователей (собственно, как и в мировой социологической практике) анализируют неорганизованное и организованное добровольчество. Второе в России значительно уступает по охвату граждан неинституциональным формам участия [Петренко, 2015]. Различия видны и начинают изучаться социологами среди тех, кто в нашей стране считает себя волонтерами и добровольцами [Оберемко, 2016]. Волонтеры условно разделяются на «прогосударственных» и «общественных» [Яницкий, 2014]. По мнению О.Н. Яницкого, грань между государственными волонтерами и гражданскими инициативами сегодня отсутствует. Государство, как в советские времена, старается подчинить себе общественные инициативы [Яницкий, 2016].

Проявляющиеся демаркационные линии в российском волонтерском сообществе, единство и противоречивость во взаимодействиях, действиях и оценках разных его подобъектов напрямую сопряжены с управлением процессами. Способность и разобщенность волонтеров, как правило, являются следствием и некими результатами управлений воздействий на них. В итоге соотношение внешнего управления волонтерами и их самоорганизации становится не только практической, но и научной проблемой. Выделим некоторые объективные грани ситуации, в которых сложности управления волонтерами в разных проявлениях стали очевидными.

Противоречия во взаимодействии населения, волонтеров и чиновников в нашей стране проявились в острой форме во время пожаров 2010–2011 гг. Еще больше трудностей в управлении добровольческой активностью возникло при наводнении в Краснодарском крае 2012 г. Благодаря этим событиям страна обратила внимание на жизнеспособность и результативность функционирования социальных сетей волонтеров, их самоорганизацию.

Вопросы управления волонтерами актуализировались при проведении международных спортивных мероприятий. Поддержка волонтерского движения начала развиваться вокруг XXVII Всемирной летней универсиады в Казани (20 тыс. волонтеров), зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи (25 тыс. волонтеров). Власти поддерживают одни виды волонтерства (спортивное, социальное, военное) и делают попытки не замечать другие, такие как политическое, информационное, экологическое.

В российской политике функции системной поддержки развития волонтерства переданы на региональный уровень государственного управления. В регионах задается вектор развития добровольчества, преимущественно осуществляется распределение ресурсов, регулирующее включение труда волонтеров в государственный и некоммерческий секторы экономики, формируется (не формируется) публичный образ волонтеров и их деятельности. В субъектах РФ добровольчество развивается разными темпами и в разных масштабах [Климова, 2013]. На федеральном уровне лишь декларируется необходимость поддержки движения волонтеров. Узкий коридор финансовой поддержки волонтерства приводит к имитационной проектной деятельности части российских НКО (фактически спровоцированной государством), инициирующих множество форумов, семинаров, акций. «При этом действительно подлинно добровольческого движения, как потока общественных солидарных безвозмездных действий, направленных на улучшение жизнедеятельности того или иного сообщества, на наш взгляд, до сих пор не сформировалось» [Смирнов, 2016: 68].

В результате волонтерство в своем состоянии в российской деятельности несет противоречия друг другу начала. Оно характеризуется несочетаемыми, на первый взгляд, признаками: противоречивость содержания волонтерского труда и представлений о волонтерах и их деятельности в обществе; ситуативность, разнородность действий волонтеров и тех, кто взаимодействует с ними или управляет их активностью; абсолютизация стереотипных представлений о добровольцах, их жертвенности и самоотдаче, популярных при социализме, в жизненной среде рыночной экономики и т.д. Таким образом, волонтерство может в теоретическом измерении выступать «кентавр-проблемой» [Тощенко, 2011]. Большая часть взаимоисключающих характеристик данного социального феномена, которые мы рассмотрим в анализе волонтерских практик далее, по нашему мнению, порождается в сфере управления и может в целом привести к замещению истинной сущности волонтерства появлением «новой качественно иной определенности (неопределенности)» [Тощенко, 2010: 99]. В результате противоречия, повсеместно возникающие в управлении волонтерами в нашей стране, в некотором смысле приводят к неоднозначности самого волонтерства как социального феномена.

Практики российского управления волонтерством демонстрируют возможности пересечения двух взаимоисключающих начал – командно-административного внешнего (государственного) управления и потенциально сильной самоорганизующейся системы добровольчества. Процессы управления волонтерством становятся реальностью. Таким образом, цель данной статьи заключается в попытке рассмотреть управление волонтерством в России и выделить практические проблемы управления волонтерами и их деятельностью в одном из российских регионов (Свердловской области) сквозь призму парадоксальности социокультурного поля волонтерства.

Управление волонтерством: исследования социологов. В международном сообществе со второй половины XX в. реализуются крупные межстрановые проекты, позволяющие получить общие представления о социально-демографических характеристиках волонтеров разных стран. В мировой научной мысли акцент сделан на трудовой подход и экономические исследования эффективности волонтерского труда [Anheier, 2001]. Исследователи рассматривают волонтерство как участие и вовлеченность населения в деятельность третьего сектора [Salamon, 2011]. В зарубежных работах чаще всего изучают координацию волонтеров и администрирование их деятельности в отдельных организациях [Wellens, 2013; Stirling, 2011]. Институциональные аспекты регулирования волонтерства менее популярны, взгляд исследователей обращен, как правило, к влиянию государственной политики разных стран на волонтеров [Brudney, 2000; Gil-Lacruz, 2012; Hackl, 2009].

Российскими социологами добровольчество анализируется как ресурс модернизационного развития, вид социального или гражданского участия [Волков, 2014; Зборовский, 2014; Иванова, 2012; Трофимова, 2015; Климов, 2014; Шевченко, 2013]. Изучается эффективность добровольчества в третьем секторе [Мерсиянова, 2016]. Отдельные проблемы управления и оценка самоорганизации дается в исследованиях определенных видов добровольчества: экологического [Яницкий, 2015], спортивного [Сухарькова, 2016], корпоративного [Краснопольская, 2012]. Исследовательский фокус сосредоточен на проблематике функционирования третьего сектора и фиксации включенности россиян в волонтерство. Однако усиление внешнего (государственного) управления добровольчеством в нашей стране в научном дискурсе пока не нашло отражения.

В проблемном поле управления добровольчеством можно выделить две исследовательские линии, имеющие разные концептуальные основания. Согласно первой, ключевую позицию занимает общность волонтеров. Большим социальным и организационным ресурсом мобилизации добровольцев обладает третий сектор как элемент гражданского общества [Salamon, 2011]. Согласно второму подходу, развитие волонтерства в разных странах детерминировано организационной и институциональной средой. Исследователями доказывается, что деятельность волонтеров напрямую зависит от соответствующих законов, налоговой политики, функционирования государственных учреждений и НКО [Rotolo, 2012]. В пространственных границах такого поле реализации добровольческих практик, где благодаря государственной политике начинают проявляться национальные особенности волонтерства и управления их деятельностью. Опираясь на выделенные исследовательские линии, в статье рассматривается суть развития процессов регионализации управления волонтерством, при этом учитываются особенности самой общности волонтеров.

Эмпирическая база. В работе анализируются результаты исследований, проведенных в Свердловской области в 2014–2015 гг. под руководством проф. Г.Е. Зборовского: анкетный опрос жителей уральских городов от 18 до 65 лет, имеющих опыт добровольчества ($N = 1208$, тип выборки – случайно-стратифицированная, 2014), а также глубинные полуформализованные интервью ($N = 27$, 2015). В качестве объекта исследования были отобраны руководители НКО Свердловской области различных типов, руководители и сотрудники государственных социальных учреждений, служб, обладающие экспертным знанием в сфере управления деятельностью волонтеров, практическим опытом взаимодействия с ними. Отбор осуществлялся методом «снежного кома». Автор обращается к результатам контент-анализа волонтерских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» ($N = 107$, 2015). В выборку включены все тематические сообщества, которые были отобраны для анализа по ключевым словам в поиске: волонтеры, добровольцы, помошь, добро. География охвата групп – Свердловская область.

Характеристики управления волонтерством в России: теоретические идеи и практические противоречия. Регулирование разных видов социальной активности населения в нашей стране связано с усилением вертикали власти; все очевиднее тенденции ее централизации и идеологизации. Одновременно происходит внутреннее развитие добровольческого движения. Возрастает роль волонтеров и активистов в чрезвычайных ситуациях, в решении проблем локального характера. «Расширяются не только поведенческие практики, но и мировоззренческие установки: медленно, но верно растет уровень социального доверия, готовности к солидарным действиям» [Петренко, 2015].

В России начинают оформляться контуры социального управления добровольчеством в контексте отношений, складывающихся в пространственно-временном континууме вокруг волонтеров, их деятельности и ее результатов. В институциональном контексте нашей страны находит отражение стихийное взаимодействие разных структур, общностей и сообществ, формирующих поле волонтерства. В социальное управление волонтерством включаются органы государственной власти и местного самоуправления, учреждения сферы культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты, некоммерческие и коммерческие организации, гражданские активисты, взаимодействующие между собой и оказывающие управленческие воздействия на волонтеров и их деятельность. Система государственного регулирования взаимодействия разных социальных общностей оказывает все большее влияние на волонтерство, определяя его противоречивость. Государство в лице чиновников стремится подчинить волонтеров себе и использовать их деятельность как ресурс в необходимых случаях.

Первое противоречие управления российским волонтерством, как мы его видим, между доминированием идеологии государственного управления и развитием волонтерства как одного из ключевых элементов гражданского общества в России. Гибридные процессы в российском обществе осложняют разделение государственного и некоммерческого секторов, происходит смешивание ценностей гражданского общества и государственных интересов. В связи с этим можно охарактеризовать деятельность волонтеров более подходящим для российских условий термином «гражданское участие». По мнению С.Г. Кирдиной, «в нем сохраняется ключевая особенность явления, выраженная в понятии "гражданского общества", то есть самоорганизации граждан для достижения целей общего блага..., отсутствие противопоставления подразумеваемой самодостаточности гражданского общества всему "остальному" обществу и т.д.» [Кирдина, 2012: 68]. При этом важно отметить, что инициатива в том, чтобы быть в роли «соисполнителей» определенных функций, при таких условиях все-таки должна исходить от самих волонтеров. Но в складывающейся ситуации развитие волонтерства в нашей стране осуществляется практически на основе авторитарных действий государства, так как информационные, экономические и большинство организационных ресурсов находятся преимущественно в руках власти.

Вне зависимости от специфики институционального устройства развитых государств волонтерство интегрировано в гражданское общество, является его «плотью и кровью». Российское волонтерство как значимая часть гражданского общества представлено слабо. Таким образом, мы рефлексируем парадоксальную ситуацию: создавать условия развития гражданского общества, управлять инициативами населения пытается авторитарная власть.

Получается замкнутый круг: слабость гражданского общества определяет слабость добровольчества как ресурса социального развития, и наоборот. В связи с этим можно выделить второе противоречие – между нереализованным потенциалом волонтерства (желания россиян помогать другим людям) и реальной жизненной ситуацией (их действиями). Осенью 2013 г. исследователи ФОМ изучали установки россиян на благотворительную активность. По результатам опроса 54% респондентов готовы организовывать сбор денег или сами вносить средства на лечение детей. Выступить в роли волонтеров и помочь коллективу детей готовы 38% респондентов, оказать содействие одному ребенку – 18% опрошенных. В 2014 г. 37% россиян готовы были стать организаторами деятельности по очистке лесопарковой зоны около их дома, 88% респондентов были согласны принять участие в этом мероприятии [Телефон..., 2014].

Несмотря на публичную поддержку волонтерства, реальная численность общности не увеличивается. По заключению практиков третьего сектора, желания и намерения многих россиян существенно расходятся с их реальными действиями. При общем одобрении волонтеров и того, что они делают для общества, уровень когнитивной, эмоциональной и поведенческой вовлеченности населения в волонтерство остается невысоким.

На фоне создания и обсуждения законопроекта о добровольчестве (волонтерстве) весной 2013 г. обострились противоречия между позициями социальных активистов и чиновников. Однако публичная дискуссия по данному поводу не затронула сферы интересов большинства населения. В то время как среди специалистов третьего сектора, членов общественных советов, волонтеров и представителей власти шло острое

обсуждение законотворческой инициативы, получившее широкое освещение в масс-медиа, уровень информированности населения об этом оставался незначительным. О том, что разработан такой закон, знали только 3% россиян, что-то слышали об этом еще 12% респондентов [Фонд «Борис Немцов», 2013].

Следующее управленческое противоречие проявляется между большим числом декларативных заявлений о значимости волонтерства в жизни страны и практиками избирательной поддержки волонтерской деятельности. На федеральном уровне в 2010–2011 гг. были разработаны концептуальные идеи развития волонтерства в стране, принятые госпрограммы и проекты (Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. /2008/; Стратегия государственной молодежной политики в РФ до 2016 г. /2009/; Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ /2009/). Многое из заявленного в этих документах остается не реализованным. Управление волонтерством является отражением типичной ситуации в России, когда чиновниками публично заявляются правильные идеи, которые чаще всего по тем или иным причинам не реализуются.

Планируются только те программы и мероприятия, которые преимущественно решают проблемы государственного значения. Одной из таких проблем, связанных со спецификой управления добровольчеством в стране, является включение стратегии развития волонтерства в федеральную целевую программу патриотического воспитания граждан. В нормативных документах федерального уровня зафиксировано, что не волонтерство как деятельность формирует патриотизм, а патриотические чувства влияют на развитие волонтерства в стране. В этом случае парадоксальность ситуации определяется тем, что по своему содержанию патриотизм как социальный феномен имеет многоаспектное значение, тогда как волонтерство однозначно по своей сути. В отличие от патриотизма как преданности и любви к своему Отечеству волонтерство обращено к конкретным проблемам. Это реальная помощь нуждающимся вне зависимости от их убеждений, национальной и религиозной принадлежности и т.д. Как нам кажется, любовь к Родине, к своей культуре и народу как чувство не может научить человека помогать другим, а волонтерство как безвозмездная помощь нуждающимся людям в состоянии воспитать патриотические чувства.

На региональном и муниципальном уровнях чиновниками инициативно определяется место волонтерских проектов в патриотическом воспитании. По заключению наших экспертов, кто-то из них видит в патриотизме место волонтерству и развивает его, а кто-то этого не делает, так как не считает его важным. В итоге складывающиеся управленческие практики чаще всего сопряжены с полуволонтерством и квазиволонтерством, которые, с одной стороны, входят в определенные противоречия с настоящим волонтерством, с другой – отражают реальную ситуацию России.

В авторской трактовке полуволонтерство – это широко распространенные в российской культуре добровольческие практики, преимущественно реализуемые россиянами в рамках своей основной занятости. У волонтеров в таких практиках проявляются сложности их самоидентификации как добровольцев, затруднения в восприятии других волонтеров как единомышленников, не всегда присутствует чувство удовлетворенности от добровольческого труда. В качестве примеров полуволонтерства можно рассматривать безвозмездный труд членов какого-либо коллектива на благо общества, добровольческие практики студентов, включенные в образовательный процесс и др. Они близки к волонтерству только при условии того, что отсутствует внешнее принуждение к такого рода деятельности, а у студентов или сотрудников организации сохраняется альтернатива – принимать или не принимать в этих мероприятиях участие.

Отечественные традиции общественной деятельности (субботники, благоустройство детских садов, участие в общественных советах образовательных учреждений и др.) продолжают существовать и сегодня. Многие из этих практик не идентифицируются в массовом сознании как добровольческие и сопрягаются с коллективным трудом [Певная, 2013]. Как примеры полуволонтерства они сохраняют в обществе дух внешней, а не внутренней обязательности участия россиян в них.

Квазиволонтерство означает имитацию волонтерской деятельности, при которой отсутствует реальный трудовой вклад добровольцев в оказании безвозмездной помощи. Показательно высказывание одного из экспертов: «Это очень распространено

практически на всех социальных мероприятиях. Они согнали ребят, их освободили от учебы. Они их особым образом набирают. Кто будет сегодня волонтером участвовать? Посидите, вам это ничего не будет стоить. А не будете сидеть, мы вам зачет не поставим!» (рук. обл. НКО; 55 лет).

Казиволонтерство демонстрирует то, как имитация, являющаяся «особенностью современной общественной жизни, отражает подмену деятельности во всех ее проявлениях на всех уровнях организации общественной жизни» [Тощенко, 2015: 314]. Казиволонтерство неосознанно тиражируется чиновниками, так как его результаты в некотором смысле им выгодны. На разных уровнях управления мало кто задумывается о качестве добровольческого участия населения. В отчетных документах негласно ставятся численные показатели развития волонтерства. Чиновники, оказывающиеся между Сциллой и Харибдой, начинают создавать иллюзию гражданского участия, в то же время дискредитируя реальную самоорганизацию, представляющую опасность для власти. Социологи хорошо реконструируют пространство протестного этоса добровольческого участия, с их позиции волонтерство и активизм являются пересекающимися явлениями [Истомина, 2015]. Из этого вытекает противоречивость управления волонтерством на уровне отдельного российского региона.

Некоторые проблемы управления волонтерством в Свердловской области. Согласно данным НИУ ВШЭ в регионе скорее неблагоприятные, чем благоприятные предпосылки развития гражданского общества [Мерсиянова, 2016]. Исследования ФОМ показывают, что Свердловская область относится к регионам с развитым добровольчеством [Климова, 2013: 6]. Согласно официальным отчетам только в «Весенней неделе добра 2014 г.» приняло участие 426 452 добровольца (9,2% населения региона), осуществлено 2522 мероприятия [Итоговый..., 2014]. При такой обнадеживающей статистике волонтеры и их деятельность информационно практически незаметны в регионе.

По нашему мнению, уровень доверия к каким-либо структурам или к людям, которые занимаются организацией добровольчества, не может формироваться в информационном вакууме. Мы дали оценку официальным сайтам региональных министерств, которые в нашей области прямо или опосредованно затрагивают в своей деятельности различные аспекты управления волонтерством. Мягко говоря, информация о каких-либо событиях, мероприятиях, конкретных людях и добровольческих организациях в официальном контенте представлена слабо. «Органы власти не являются активными акторами в коммуникативной структуре гражданского общества России» [Тихонов, 2012: 230].

Например, отраслевое министерство, ответственное за реализацию молодежной политики, не только не формирует информационный контент в регионе, но и не содействует распространению информации о добровольчестве. Вот как об этом высказался один из экспертов: «Я даже не знаю, кто у нас в министерстве отвечает за это направление. Зайдите на их сайт, вы не найдете никакой информации. Методические дни не проводятся, рассылка-то делается не всегда» (рук. отдела по работе с НКО, 43 года). Другое министерство, выделившее крупный грант на создание ресурсного центра, одним из приоритетов которого является развитие волонтерского движения, как и сам центр, не способствует информированию о возможностях данной структуры среди общественников. Приведем суждение одного из них: «Я сама про такой центр ничего не знаю. Информационную сеть они не выстраивают. Видимо, им это не надо» (рук. добров. отр., 45 лет).

В исследовании мы обратились к социальным сетям. По ключевым словам в сети «Фейсбук» было найдено лишь несколько региональных волонтерских сообществ, тогда как в сети «ВКонтакте» их оказалось значительно больше. 45 (61%) сообществ напрямую связаны с НКО, и лишь 29 групп (39%) были отмечены как самоорганизация людей. Большинство сообществ (63) находятся в столице региона. Небольшие города области имеют не более 1–4 сообществ. Сеть виртуальных групп волонтеров, имеющих отношение к НКО, выстраивают всего две крупные региональные организации.

Таким образом, в официальных отчетах волонтерством занимается практически каждый десятый уралец, но эта деятельность в информационном пространстве невидима. Противоречие обретает форму парадокса информационной незаметности волонтерского сообщества Свердловской области, что может быть следствием целого ряда причин. Ограниченностю информации в Интернете не всегда связана с отсутствием реальных волонтерских инициатив. При недостатке в системе управления директивы сверху информирование населения

отдельных территорий о волонтерах и их деятельности просто не осуществляется. Информация по большинству неформальных добровольческих акций распространяется по социальным сетям исключительно в кругу близких друзей и знакомых. Данная особенность коммуникации ограничивает публичность не только информационных сообщений, но и виртуальную видимость деятельности таких сообществ. Эпизодичность неформальных добровольческих инициатив не требует от волонтеров для осуществления их намерений создания публичных страниц и сообществ.

Широкий охват населения волонтерством в отчетах достигается за счет разового привлечения людей к массовым мероприятиям. Волонтеров, готовых помочь другим людям регулярно и при этом ответственно относиться к своему труду, крайне мало. Приведем высказывания экспертов: «Чтобы люди в очередь стояли и говорили, как мы хотим помочь, такого нет сегодня. Единицы таких...» (директор соц. учрежд., 54 года); «Люди-волонтеры, единичные какие-то случаи...» (сотрудник НКО; 25 лет).

Региональная общность волонтеров очень подвижна за счет эпизодического участия населения в добровольчестве. По данным опроса волонтеров Свердловской области не реже двух раз в месяц за год оказывали безвозмездную помощь 19% респондентов, 2–5 раз в год работали на добровольных началах 46% опрошенных, практически каждый третий (35%) занимался волонтерством 1–2 раза. Общность характеризуется постоянным оттоком и притоком в нее новых членов.

Среди уральцев, кто хотя бы раз оказывал безвозмездную помощь незнакомым людям в течение 2014 г., 62% респондентов планировали в дальнейшем участие в добровольчестве, 26% не видели волонтерство в своих личных планах. На вопрос «Хотели бы они продолжать заниматься волонтерством?» 12% респондентов затруднились дать ответ. Самым популярным видом деятельности волонтеров нашего региона является социальное волонтерство (60%). Второе место по распространенности занимает событийное волонтерство – участвовали в организации культурно-досуговых и спортивных мероприятий 43% респондентов (табл.).

Таблица

**Направления деятельности волонтеров Свердловской области
(% от числа ответивших)**

Направления деятельности	%
Помощь людям, нуждающимся в чужой помощи	60
Помощь в организации культурных и спортивных мероприятий	43
Профессиональная помощь (правовая, психологическая, бухгалтерская и т.д.)	28
Помощь сотрудникам НКО (фандрайзинг, работа с документами и т.д.)	18
Помощь в проведении предвыборных кампаний, политических акций	18
Помощь в экологических проектах	17
Охрана общественного порядка	15
Помощь бездомным животным	11
Поиск пропавших людей	5
Помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий	2

Еще одно противоречие управления заключается в том, что при большом количестве заинтересованных в добровольцах структур проявляются признаки бессистемности в их взаимодействии. Интересы и возможности региональных властей и отдельных муниципалитетов в этом направлении часто расходятся. Ресурсы региональной программы до локальных организаций, работающих с добровольцами, не доходят, информационная и методическая поддержка им не оказывается. Руководитель одного из молодежных отрядов по этому поводу сказал: «А зачем мне это сотрудничество? Я понимаю, что никогда никто мне реальной помощи не окажет, поскольку мы в муниципалитете. Мы в принципе не можем принимать участие в конкурсах и мероприятиях, которые курируют наши министерства» (рук. добров. отряда, 45 лет).

Можно говорить не только о ведомственной разобщенности различных инициатив, но и о нежелании организаторов деятельности волонтеров из разных сфер сотрудничать друг с другом. Представим высказывание одного из экспертов: «Никак не взаимодействуем мы ни с какими региональными центрами. Они у нас самодостаточны. Я в принципе, как и они, не вижу надобности в этом. Я считаю, что у нас разные задачи. Они решают проблемы государства, а мы конкретных людей» (директор соц. учрежд., 54 года).

Региональное поле волонтерства становится конкурентной средой, где идет своеобразная борьба за ресурсы и добровольцев. Как точно сказал один из наших информантов, «добровольность – это значит добровольность! А у нас чаще всего – это административный ресурс. Кому-то надо День города, кому-то какой-то флэшмоб для отчетности. Но мы будем закрывать мероприятия только на нашей территории, потому что их очень много, а волонтеров мало...» (куратор неком. партнерства, 48 лет).

Парадоксальность управления проявляется в отсутствии какой-либо правовой инициативы региональных властей, необходимой для развития добровольческой деятельности в регионе. В то же время все чаще в документах в числе показателей эффективности появляется количество добровольцев, привлеченных для решения государственных, ведомственных или отраслевых задач.

Государственная политика в отношении НКО приводит к тому, что практически все из числа организаторов деятельности волонтеров в нашем регионе осознанно или неосознанно становятся частью государственной системы, начинают «играть по ее правилам». Как отметил один из экспертов, «деньги получают те, кто сегодня в общественных советах заседает и лоялен по большинству вопросов, поменьше критики, побольше позитива...». В итоге обладающие наибольшим приоритетом институты гражданского общества, аккумулирующие в обществе ресурсы волонтерства, являются «институтами порядка», выступающими гарантом, но не ориентиром и катализатором социальной активности.

Заключение. Постановка новой теоретической проблемы управления волонтерством позволяет зафиксировать объективность происходящих процессов сочетания самоорганизации и внешнего управления в среде российского добровольчества. В статье показаны лишь некоторые проблемные аспекты (во многом дискуссионные и неоднозначные), демонстрирующие противоречивость управления российским волонтерством. Мы констатируем, что волонтерство по своей сути мощный ресурсный потенциал, но в нашей стране в его развитие особым образом включается государство. Парадоксально: сегодня ресурсы волонтерства не реализуются при явном вмешательстве чиновников. Деятельность российских волонтеров эпизодична, самоорганизация слаба, увеличение числа добровольцев не переходит в качество их деятельности.

Возникают два вопроса. Может ли быть источником развития добровольчества многообразие видов и типов волонтерской деятельности, которые в рамках социального управления должны находить поддержку со стороны государства? А нужны ли в действительности реальные волонтеры российскому государству или их потенциал представляет определенную опасность для публичной власти? Если на первый вопрос ответ однозначно позитивный, то второй оставляет место для научной дискуссии и поиска ответов на него в дальнейших исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014.
- Зборовский Г.Е., Кузьминчук А.А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник СурГПУ. 2014. № 2 (29). С. 57–70.
- Иванова И.И., Петренко Е.С. Авангардные группы – основа российского добровольчества. М.: Фонд «Общественное мнение», 2012.
- Истомина А.Г., Оберемко О.А. Легитимация протестного участия волонтеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 32–47.

- Итоговый отчет о проведении Весенней недели добра 2014 г. в Свердловской области. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://uralsocinform.ru/files/2011/11/Prilogenie-1.pdf> (дата обращения: 12.12.2015).
- Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–74.
- Климов И.А. Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 201–216.
- Климова С.Г., Петренко Е.С. (ред.) Ресурсы российского добровольческого движения: аналитический доклад по результатам исследований ФОМ. М.: Фонд «Общественное мнение», 2013.
- Краснопольская И.И. Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик. М., 2012.
- Мерсиянова И.В. Добровольчество как объект оценки эффективности. URL: https://grans.hse.ru/data/2016/04/07/1127127072/Mersianova_I_V_Dobrovolchestvo_kak_obekt_otsenki_effektivnosti_06_04_2016.pdf. (дата обращения: 10.04.2016).
- Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 94–101.
- Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 110–119.
- Петренко Е.С. Настроение акторов гражданского участия. 2015. URL: <https://www.hse.ru/news/science/151249247.html> (дата обращения: 01.04.2016).
- Сухарькова М.П. Олимпийское волонтерское движение после игр в России. Материалы XVI международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ, 2016.
- Смирнов В.А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 62–69.
- Телефон. Данные опроса 31.09.2014. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 06.01.2015).
- Тихонов А.В. (ред.) Социология управления: фундаментальное и прикладное знание. М.: РОИ «Реабилитация», 2014.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема как форма парадоксальности // Вестник РГГУ. Сер. Социология. 2010. № 3 (46). С. 95–112.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.
- ФОМнибус. 17.03.2013. [Электронный документ]. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10871> (дата обращения: 06.01.2014).
- Шевченко П.В. Социальная роль московского волонтерства // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 60–71.
- Яницкий О.Н. 2016. Добровольцы, волонтеры, благотворители – не пора ли в этом разобраться? URL: http://www.isras.ru/blog_yan_94.html (дата обращения: 30.03.2016).
- Яницкий О.Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5). С. 71–89.
- Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // Civil Society: Working Paper. 2001. № 10: 2–25.
- Brudney J., Williamson A. Making government volunteering policies more effective // Public Management Review. 2000. 2(1): 85–104.
- Gil-Lacruz A., Marcuello C. Voluntary Work in Europe: Comparative Analysis Among Countries and Welfare Systems. Springer Science and Business Media B.V., 2012.
- Hackl F., Halla M., Pruckner G. Volunteering and the State. Discussion Paper. Germany, 2009.
- Rotolo T., Wilson J. State-Level Differences in Volunteerism in the United States: Research Based on Demographic, Institutional, and Cultural Macrollevel Theories // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2012. 41(3): 452–473.
- Stirling C., Kilpatrick S., Orpin P. A psychological contract perspective to the link between non-profit organizations' management practices and volunteer sustainability // Human Resource Development International. 2011: 321–336.
- Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. USA. 2011. № 82(3): 217–252.
- Wellens L., Jegers M. Effective Governance in nonprofit organizations: a literature based multiple stakeholder approach // European Management Journal. 2013. № 32 (2): 223–243.